
АГНЕССА МОНКС
СОБОР ИЗ ЧЁРНЫХ КОСТЕЙ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
КНИГА ПЕРВАЯ

Агнесса Монкс

Книга 1. Собор из черных костей

«Автор»
2026

Монкс А.

Книга 1. Собор из черных костей / А. Монкс — «Автор», 2026

Триста лет назад Люсьен Валькрофт убил Бога. С тех пор солнце не появлялось над Этерной, мёртвые стучат в двери живых, а колокола соборов удерживают древний ужас по ту сторону мира.Элианна Морвейн зарабатывает на жизнь, создавая посмертные портреты. Её дар позволяет видеть последние воспоминания умерших, но однажды на холсте появляется лицо, которого там быть не должно. Вскоре девушка получает послание от давно исчезнувшей матери — и узнаёт о существовании собора, где покоятся кости мёртвого Создателя.Чтобы раскрыть тайну своего рождения, Элианне придётся столкнуться с бессмертным исповедником, чьё прошлое пропитано кровью, и узнать правду, которую церковь скрывала столетиями.Но что, если Бог был не спасителем, а последней преградой между человечеством и настоящей тьмой? И что, если именно её кровь способна разрушить эту преграду?

© Монкс А., 2026
© Автор, 2026

Агнесса Монкс
Книга 1. Собор из черных костей

Пролог

Последняя молитва

За триста лет до того, как замолчали колокола.

Бог плакал кровью.

Люсьен Валькрофт увидел это собственными глазами и до самого конца своей долгой жизни не смог забыть, как медленно алая капля скользнула по белой щеке Создателя, задержалась на подбородке и упала на мраморный пол.

Кровь не разбилась о камень.

Она зашипела.

Из трещины поднялся тонкий столб чёрного дыма, и воздух наполнился запахом горелого ладана, мокрой земли и чего-то сладковатого, отчего Люсьена едва не вывернуло наизнанку.

Тогда он впервые подумал, что, возможно, у Бога есть тело.

А значит, его можно убить.

Эта мысль была настолько кощунственной, что Люсьен перекрестился прежде, чем успел осознать, что больше не помнит, как правильно складывать пальцы.

— Не смотри на кровь, — произнёс человек рядом с ним.

Кардинал Эдмонд стоял на коленях, сцепив руки в молитве. Его белоснежное облачение потемнело от крови, а седые волосы прилипли к мокрому лбу. Он был стар, но сейчас казался древнее самого собора — одним из тех существ, что рождаются в трещинах между эпохами и умирают лишь тогда, когда мир забывает их имена.

— Смотри на лицо, Люсьен. Запомни лицо Господа.

Люсьен поднял голову.

Бог лежал на алтаре.

Его тело было человеческим — по крайней мере, так говорили священные книги. Две руки, две ноги, грудная клетка, узкие плечи. Белая кожа, светлые волосы, черты лица, исполненные такой совершенной красоты, что взгляд невольно скользил прочь, не выдерживая их.

Но книги умалчивали о том, что у Бога не было пупка.

И о том, что его грудь не поднималась при дыхании.

И о том, что под тонкой кожей вместо вен двигались золотистые нити, похожие на корни, прорастающие сквозь человеческое мясо.

Они тянулись от запястий к шее, исчезали под рёбрами и сходились в одной точке над сердцем. Там кожа была разорвана. Края раны почернели, будто её обуглили изнутри.

Люсьен знал эту рану.

Он сам нанёс её.

Его меч лежал у основания алтаря. Клинок, выкованный из серебра и освящённый кровью семи мучеников, раскололся надвое, когда Люсьен вонзил его в грудь Господа.

Он помнил сопротивление.

Помнил, как металл вошёл под рёбра, словно в плоть обычного человека. Помнил, как из раны вырвался свет, ослепивший всех присутствующих, и как собор содрогнулся до самых фундаментов.

Помнил голос, который раздался у него внутри черепа.

Наконец.

Всего одно слово.

Не проклятие. Не предсмертный стон. Не мольба о пощаде.

Облегчение.

Люсьен тогда отшатнулся, едва не выронив рукоять меча.

А теперь Бог лежал перед ним, и кровь продолжала капать на мрамор.

— Почему он не умирает? — спросил Люсьен.

Он не хотел задавать этот вопрос вслух.

В последние недели вопросы стали опасны. Ответы, если они вообще приходили, редко приносили утешение.

Кардинал не поднял головы.

— Потому что смерть — это милость, которой он никогда не даровал себе.

— Он же Создатель.

— Да.

— Он создал смерть.

— Да, сын мой.

— Тогда почему?..

— Замолчи.

Впервые за всё время Люсьен услышал в голосе кардинала не благоговение, а страх.

Глубокий, животный страх человека, который слишком долго заглядывал в бездну и наконец заметил, что бездна смотрит в ответ.

Вокруг алтаря стояли двенадцать священников. Их лица скрывали капюшоны, а руки были связаны тонкими цепями из чёрного железа. Каждый из них держал раскрытую книгу. На страницах не было ни букв, ни изображений — только пятна, похожие на следы от окровавленных пальцев.

Священники читали беззвучно.

И всё же Люсьен слышал их голоса.

Они звучали из стен, из пола, из пустоты между ударами его сердца.

Отче наш, сущий в темнице.

Да святится имя Твоё.

Да придёт царствие Твоё.

Люсьен зажмурился.

Это была не та молитва, которую он знал с детства.

И всё же он помнил каждое слово.

За высокими окнами собора стояла ночь.

Не обычная ночь, к которой люди привыкли за долгие века. Не мягкая темнота, в которой скрываются очертания деревьев и гаснут огни далёких домов.

Ночь за окнами была абсолютной.

Она поглотила звёзды три недели назад. Затем исчезла луна. На девятый день погасло солнце, и последний его луч застыл на западном горизонте тонкой багровой полосой, напоминавшей незаживший порез.

После этого начался дождь.

Он шёл непрерывно, но ни одна капля не достигала земли. Вода зависала над крышами, улицами, кладбищами, превращая столицу в бесконечный лес стеклянных игл. Иногда среди этих игл появлялись человеческие силуэты — люди, которые умерли много лет назад и теперь стояли под дождём, глядя на свои бывшие дома.

Некоторые стучали в окна.

Другие просили впустить их.

Третьи молчали и улыбались.

Церковь объявила происходящее испытанием веры.

Император приказал запереть городские ворота.

А Люсьену велели убить Бога.

Приказ пришёл двенадцать дней назад, запечатанный сургучом самого высокого духовного сана. В нём не было объяснений. Только имя Люсьена, написанное рукой кардинала, и одна строка на древнем языке:

Когда Создатель перестанет быть милосердным, милосердие должно перестать существовать.

Люсьен тогда ещё верил, что понимает смысл этих слов.

Он был молод. Ему исполнилось тридцать два года, и он носил белый плащ рыцаря Священного Ордена уже четырнадцать лет. За это время он видел еретиков, которые сжигали собственные семьи ради пророчеств. Видел детей, рождённых без теней. Видел мёртвых королей, которые продолжали править из запечатанных гробниц.

Он собственноручно казнил девятнадцать человек за поклонение существам, чьи имена запрещалось произносить.

Он считал себя хорошим человеком.

Именно поэтому, когда кардинал впервые рассказал ему правду, Люсьен не поверил.

— Бог умирает, — сказал тогда Эдмонд.

Они стояли в библиотеке подземного монастыря, среди книг, чьи страницы были сшиты человеческими волосами. За окнами падал снег, хотя на дворе стоял разгар лета.

— Он всегда умирал, — ответил Люсьен. — Каждое поколение приносит себя в жертву его воле. В этом и заключается вера.

— Нет, сын мой. Ты не понял.

Кардинал положил перед ним раскрытую книгу.

На странице был изображён человек, распятый на дереве, которое росло корнями вверх. Его лицо было стёрто, но из груди торчали двенадцать золотых нитей. Каждая уходила в отдельную сторону, за границы рисунка.

Под изображением стояла дата.

Три тысячи лет до основания империи.

— Бог не умирает каждый день, — сказал Эдмонд. — Он умирает уже триста лет. И если мы не закончим начатое, однажды умрёт всё, что он создал.

— Что начато?

Кардинал посмотрел на него.

— Молитва.

Тогда Люсьен рассмеялся.

Он смеялся недолго.

В ту же ночь все колокола монастыря зазвонили сами собой. Из запечатанного склепа под библиотекой донёсся стук, и голос его покойной матери попросил открыть дверь.

Люсьен похоронил мать в семь лет.

Он знал это совершенно точно.

Но голос за дверью произнёс его детское прозвище — слово, которое никто, кроме неё, никогда не знал.

Наутро Люсьен согласился.

Теперь, стоя перед алтарём, он понимал, что согласие ничего не значило.

Он просто сделал то, чего от него ждали.

— Люсьен.

Кардинал позвал его тихо.

Бог открыл глаза.

В соборе погасли все свечи.

Люсьен не успел вдохнуть.

Он увидел глаза Создателя — бесцветные, прозрачные, без зрачков и радужки. В их глубине не было ни гнева, ни любви, ни безразличия.

Там была пустота.

Но не та пустота, которую можно увидеть в мёртвом доме или на дне высохшего колодца.

Это была пустота, существовавшая до появления самого понятия «ничто».

Люсьен рухнул на колени.

Его тело содрогнулось. Кости в руках и ногах начали ныть, будто кто-то медленно выкручивал их из суставов. Во рту появился вкус крови.

Бог посмотрел на него.

— Ты пришёл, — сказал он.

Голос был тихим. Почти ласковым.

Люсьен не смог ответить.

— Я ждал тебя, Люсьен Валькрофт.

Кардинал упал лицом на пол.

Двенадцать священников разом захлопнули книги. Их тела дёрнулись, и из-под капюшонов потекла чёрная жидкость. Один за другим они начали исчезать — не падать, не рассыпаться, а словно стираться из мира невидимой рукой.

Через несколько мгновений на их месте остались только пустые одежды.

Люсьен попытался подняться.

Не смог.

— Что вы сделали? — прохрипел он.

Бог улыбнулся.

И Люсьен понял, что эта улыбка была единственным по-настоящему страшным зрелищем из всего, что он видел за свою жизнь.

Не потому, что в ней было зло.

Потому, что в ней было сострадание.

— Я ничего не сделал, дитя моё.

— Вы уничтожаете мир.

— Нет.

Бог повернул голову к высоким окнам.

За стеклом зависшие капли дождя начали медленно двигаться вверх. На улицах города мёртвые перестали стучать в окна. Люди, которые ещё дышали, замерли посреди улиц с раскрытыми ртами. Где-то далеко раздался детский плач, но оборвался прежде, чем успел превратиться в крик.

— Я удерживал его, — сказал Бог.

Люсьен почувствовал, как холод поднимается по его позвоночнику.

— Кого?

В ответ Создатель закрыл глаза.

И впервые за три тысячи лет в соборе раздался звук его настоящего дыхания.

Вдох.

Длинный, влажный, полный боли.

Выдох.

Словно где-то глубоко под землёй перевернулось огромное существо, которое слишком долго лежало на одном боку.

Камни под ногами дрогнули.

С потолка посыпалась пыль.

Люсьен услышал шёпот.

Сначала один голос. Затем второй. Десятый. Сотый.

Они произносили его имя.

Люсьен.

Люсьен.

Люсьен.

Он зажал уши ладонями, но голоса звучали внутри него.

— Что находится за смертью? — спросил он.

Бог открыл глаза.

— То, что было до меня.

— А что было до вас?

Создатель посмотрел на него с такой бесконечной усталостью, что Люсьену на миг стало жаль его.

— Голод.

Слово упало между ними, словно камень в глубокую воду.

И что-то ответило из-под собора.

Три удара.

Медленных.

Тяжёлых.

Будто огромное сердце, погребённое под тысячами тонн камня, вспомнило, что когда-то умело биться.

Кардинал Эдмонд поднял голову.

В его глазах не осталось белков — только сплошная чернота.

— Господи, — прошептал он. — Господи, нет.

Бог посмотрел на старика.

— Ты знал.

Кардинал заплакал.

— Мы не понимали…

— Ты знал, — повторил Создатель. — И всё равно открыл дверь.

Люсьен перевёл взгляд с одного на другого.

— О чём вы говорите?

Но никто ему не ответил.

Под алтарём что-то заскреблось.

Звук был негромким, почти робким, как у ребёнка, который проснулся в незнакомой комнате и пытается найти выход. Затем послышался протяжный скрежет, от которого по мраморным плитам побежали тонкие трещины.

Люсьен увидел, как одна из них пересекла пол и остановилась у самого его колена.

Из щели потянуло тёплым воздухом.

Пахло цветами.

Свежей землёй.

Молоком.

Он вдруг вспомнил детство. Маленькую кухню, солнечный свет на деревянном столе, материнские руки, запах яблок. Вспомнил, как сидел у окна и смотрел на голубей, клюющих крошки.

Воспоминание было таким ясным, таким невыносимо живым, что он едва не заплакал.

А потом понял, что никогда не видел голубей.

В городе его детства не было птиц.

Из-под алтаря донёсся тихий женский смех.

Кардинал завыл.

— Закройте её! Закройте дверь!

Люсьен посмотрел на Бога.

— Скажите, что мне делать.

Впервые за всё время Создатель отвёл взгляд.

И этот жест напугал Люсьена сильнее любых чудес.

— Убей меня, — сказал Бог.

— Я уже пытался.

— Теперь ты знаешь, почему это необходимо.

Люсьен медленно поднялся. Его ноги дрожали, но он заставил себя выпрямиться. Он подошёл к алтарю и поднял обломок меча.

Рукоять была скользкой от крови.

— Что произойдёт, когда вы умрёте?

Бог долго молчал.

— Ты станешь последним, кто меня помнил.

— И что это значит?

— Это значит, что ты будешь помнить, даже когда память перестанет существовать.

Люсьен сжал меч.

— А если я откажусь?

Создатель посмотрел ему прямо в глаза.

— Тогда однажды оно вспомнит, как выглядеть человеком.

Из-под алтаря снова донёсся смех.

На этот раз Люсьен узнал голос.

Он принадлежал ему самому.

Не голосу, который он слышал в воспоминаниях, не эхом, отразившимся от стен.

Это был его собственный голос, произносящий слова, которых он ещё не говорил.

— Я открою дверь, — сказал голос из-под земли. — Я сам открою дверь.

Люсьен почувствовал, как обломок меча начинает вибрировать в его руке.

— Не слушай, — прошептал Бог. — Оно ещё не знает твоего имени. Не отдавай ему его.

— Оно уже знает моё имя.

— Нет, — сказал Создатель. — Оно знает только то, что ты слышишь.

Люсьен посмотрел на кардинала.

Старик стоял на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону. Его губы шевелились в беззвучной молитве. С каждым повторением кожа на его лице становилась тоньше, прозрачнее. Под ней проступали чёрные нити — такие же, какие Люсьен видел под кожей Бога.

— Эдмонд?

Кардинал повернул голову.

— Прости меня, — сказал он.

И улыбнулся.

В следующую секунду его тело распалось на сотни белых мотыльков.

Они взмыли под своды собора, закружились вокруг алтаря и устремились к окнам. Там, за стеклом, они столкнулись с неподвижным дождём и упали вниз, словно обожжённые.

Люсьен остался один.

Он стоял перед Богом, держа в руках сломанный меч.

— Я верил в тебя, — прошептал он.

— Я знаю.

— Я убивал ради тебя.

— Я знаю.

— Я отдал тебе всё.

Бог смотрел на него с печальной нежностью.

— Нет, Люсьен. Ты ещё ничего мне не отдал.

— Тогда что же я должен отдать?

Создатель медленно поднял руку.

Его пальцы коснулись щеки Люсьена.

Кожа была холодной, как мраморная плита на могиле.

— Себя.

Люсьен закрыл глаза.

Он вспомнил клятву, которую произнёс четырнадцать лет назад. Вспомнил белый плащ, тяжесть меча, лицо матери, когда она провожала его к воротам ордена.

Вспомнил, как обещал защищать слабых.

Как обещал никогда не отступать перед тьмой.

Как обещал служить Господу до последнего вздоха.

Он открыл глаза.

— Я не могу.

— Можешь.

— Я боюсь.

— Я тоже.

Эти слова остановили его.

Люсьен смотрел на Бога и не понимал, что слышит. Создатель, чьё имя произносили миллионы людей. Существование, ради которого строили города, вели войны и сжигали еретиков. Тот, кто создал солнце, море, человеческую душу и саму смерть.

Он боялся.

— Чего? — спросил Люсьен.

Бог посмотрел на трещину в полу.

— Того, что произойдёт, когда я перестану существовать.

Люсьен поднял меч.

На этот раз рука не дрожала.

— Тогда почему вы просите меня об этом?

Бог улыбнулся.

И в этой улыбке не было больше ни сострадания, ни печали.

Только бесконечная усталость.

— Потому что я устал быть дверью.

Люсьен ударил.

Он ожидал грома.

Ожидал света, который разорвёт небеса, и голоса, способного расколоть горы. Ожидал, что мир задрожит, что стены собора рухнут, что мёртвые восстанут из могил и потребуют у него ответа.

Но когда обломок меча вошёл в сердце Бога, не произошло ничего.

Создатель просто выдохнул.

И замолчал.

На мгновение Люсьену показалось, что он совершил ошибку. Что Бог умер слишком тихо, слишком по-человечески, и теперь ему придётся жить с этим бессмысленным, ничтожным поступком до конца своих дней.

Затем погасли звёзды, которых уже не было.

Исчезла ночь.

Исчезло само расстояние между небом и землёй.

Люсьен увидел, как мир раскрывается перед ним, словно тело, разрезанное хирургическим ножом. За знакомыми очертаниями собора, за городом, за горами и морями находилось другое пространство — огромное, бесцветное и совершенно неподвижное.

Там не было света.

Но Люсьен видел.

Он увидел лес из человеческих рук, уходящий за горизонт. Увидел реки, текущие вверх, и города, построенные из костей существ, которые никогда не рождались. Увидел тысячи дверей, подвешенных в пустоте, и за каждой — лицо.

Некоторые плакали.

Некоторые улыбались.

Одно из лиц принадлежало его матери.

Она стояла по ту сторону невидимой преграды, прижимая ладонь к стеклу, которого не существовало.

— Люсьен, — произнесла она.

Он сделал шаг.

И остановился.

Мать была мертва.

Он собственными руками опустил её тело в землю, когда ему было семь лет. Помнил холодные пальцы, белую ткань, комья влажной почвы, падающие на крышку гроба.

Он знал, что это не она.

Но лицо за преградой улыбнулось так, как улыбалась только его мать.

— Сынок, — сказала она. — Мне так холодно.

Люсьен зажмурился.

— Не слушай, — прошептал он.

Но уже не знал, кому принадлежат эти слова.

В пустоте что-то шевельнулось.

Огромное, бесформенное существо повернулось к нему.

У него не было глаз, но Люсьен почувствовал его взгляд. Не было рта, но пространство наполнилось звуком, похожим на бесчисленные голоса, одновременно произносящие первое слово, которое когда-либо существовало в мире.

Люсьен не понял его значения.

Но понял смысл.

Наконец-то.

Существо приблизилось.

Оно было так огромно, что его движение нельзя было назвать движением. Скорее сама пустота медленно меняла форму, пытаясь вместить нечто, что не должно было существовать.

И тогда Люсьен понял.

Бог не удерживал зло за пределами мира.

Он удерживал весь остальной мир за пределами этой твари.

Всё, что Люсьен знал, — города, леса, моря, людей, мёртвых, даже само понятие смерти, — существовало внутри тончайшей оболочки, натянутой вокруг чудовищного голода.

И оболочка только что порвалась.

Люсьен закричал.

Но его крик не прозвучал.

Пустота поглотила звук, затем воспоминания, затем само ощущение собственного тела.

На один бесконечный миг он перестал быть человеком.

Он стал мыслью.

Последней мыслью умирающего Бога.

И услышал голос Создателя — уже не снаружи, а глубоко внутри себя.

Теперь ты будешь помнить.

Люсьен попытался ответить.

Я не хочу.

Я знаю.

Пожалуйста.

Прости меня.

И мир сомкнулся.

Когда Люсьен очнулся, он лежал на полу собора.

Под ним была кровь.

Она растеклась по мрамору, заполнила трещины, покрыла ступени алтаря и поднялась по колоннам тонкими красными прожилками. В воздухе висели белые мотыльки. Свечи погасли. Витражи лопнули, и их осколки лежали на полу, словно драгоценные камни, высыпанные из разбитой короны.

Бога больше не было.

На алтаре осталась лишь горсть белых костей.

Люсьен медленно поднялся.

Он чувствовал боль. Чувствовал холод, голод и жажду. Его сердце билось, но каждый удар отдавался где-то глубоко под землёй, будто другое сердце отвечало ему из темноты.

Он посмотрел на свои руки.

Кожа была цела.

Кровь исчезла.

И всё же под ней двигались тонкие золотые нити.

Люсьен сорвал перчатку, провёл ногтем по запястью и разодрал кожу. Из раны выступила алая капля.

Он смотрел, как она стекает по ладони.

Затем капля упала на пол.

И зашипела.

Люсьен отшатнулся.

Нет.

Нет, нет, нет.

Он поднёс руку к лицу, словно мог обнаружить на ней чужое клеймо, увидеть доказательство того, что всё происходящее было лишь сном.

Но золотые нити продолжали двигаться под кожей.

Из глубины собора донёсся звук.

Колокол.

Один удар.

Люсьен поднял голову.

Колокол не должен был звонить. Никто не мог ударить в него: башня обрушилась ещё до начала ритуала.

Второй удар.

С потолка посыпалась пыль.

Третий.

Люсьен побежал к дверям.

Он выбрался на ступени собора и остановился.

Город лежал перед ним, бесконечный и неподвижный. Дождь исчез. Небо было пустым, лишённым звёзд, луны и солнца. На улицах стояли люди, запрокинув головы. Одни плакали. Другие смеялись. Некоторые падали на колени и молились, хотя больше не помнили слов.

Вдалеке, за чёрными крышами, медленно поднималось нечто огромное.

Люсьен не смог определить, была ли это гора, башня или часть тела существа, которое он увидел по ту сторону мира.

Он знал лишь одно.

Оно было ближе, чем прежде.

На ступенях рядом с ним лежала раскрытая книга. Её страницы перелистывались сами собой, хотя ветра не было.

Люсьен наклонился.

На последней странице проступали слова.

И когда умрёт Создатель, человек останется один.

Ниже, другой рукой, было дописано:

Но человек никогда не был один.

Люсьен захлопнул книгу.

За его спиной раздался тихий, почти ласковый голос:

— Люсьен?

Он обернулся.

На верхней ступени стояла женщина в белом платье.

Её лицо было скрыто длинными волосами. Босые ступни не касались камня. Из-под подола тянулась тень, длинная и неправильная, уходящая вверх по ступеням и исчезающая в дверях собора.

Люсьен знал эту женщину.

Он помнил её имя.

Он помнил, как она умерла.

Он помнил, как сам закрыл ей глаза.

Но когда она подняла голову, он не смог вспомнить её лица.

Женщина улыбнулась.

— Ты ведь обещал, что вернёшься домой.

Люсьен отступил на шаг.

— Кто ты?

Улыбка исчезла.

На мгновение лицо женщины стало совершенно пустым, словно кто-то стёр его невидимой рукой.

А затем из-под кожи выступили золотые нити.

— Ты забыл, — сказала она.

Её голос был полон такой неподдельной печали, что Люсьену захотелось упасть перед ней на колени.

— Ты забыл меня.

И исчезла.

Люсьен остался стоять на ступенях.

Он не знал, сколько прошло времени. Возможно, несколько минут. Возможно, целая вечность. Небо медленно светлело, но это был не рассвет. Свет исходил из самого воздуха, холодный и бесцветный, похожий на сияние мёртвых звёзд.

Впервые за триста лет над Этерной больше не было Бога.

Люсьен опустился на колени.

Он попытался произнести молитву.

Отче наш, сущий на небесах…

Но дальше не смог.

Он не помнил слов.

Он не помнил, кому молился.

И всё же, когда поднял голову, ему показалось, что где-то далеко, под тысячами тонн камня и земли, кто-то тихо смеётся.

Не злорадно.

Не торжествующе.

А так, словно услышал наконец давно ожидаемую шутку.

Люсьен посмотрел на свои руки.

Золотые нити исчезли под кожей.

Сердце билось ровно.

Он был жив.

Бог был мёртв.

А в глубине собора, там, где прежде находился алтарь, медленно открывалась дверь, которой не было ни в одном архитектурном плане.

За ней не было света.

Только бесконечная темнота.

И голос, который произнёс его имя так, словно произносил его впервые за всю историю мира.

— Люсьен.

Он закрыл глаза.

И впервые в жизни не стал отвечать.

Глава 1

Портрет мёртвой женщины

Некоторые мертвецы уходят не потому, что пришло их время. Они уходят, когда понимают, что больше никто не помнит их лица.

В тот вечер покойница открыла глаза.

Элианна заметила это не сразу.

Она сидела у окна в своей мастерской, склонившись над холстом, и пыталась подобрать оттенок для губ умершей. За стеклом медленно кружился пепел. Он падал с неба уже третий день, оседая на крышах, карнизах и чёрных ветвях деревьев, а дворники с самого утра счищали его с улиц длинными железными лопатами.

К вечеру пепел стал красным.

Такое случалось перед большими похоронами.

Элианна не верила в приметы, но всё же отложила кисть и посмотрела на небо. Между высокими домами, похожими на надгробия, висела багровая дымка. Она делала город похожим на старую картину, которую слишком долго держали над огнём.

Где-то вдалеке пробили колокола.

Один раз.

Второй.

Третий.

Элианна считала удары машинально, как делала каждый вечер с тех пор, как научилась различать время по церковному звону.

На седьмом она сбилась.

На восьмом поняла почему.

В городе Скорби было сорок семь колоколен. В каждой висело по три колокола, кроме главного собора, где их было двенадцать. Всего — сто пятьдесят.

Согласно церковному уставу, колокола звонили на рассвете, в полдень, перед вечерней молитвой и во время похорон. В остальное время они должны были молчать.

Но сейчас звонил только один.

Тринадцатый удар раздался над самым ухом.

Элианна вздрогнула.

Свеча на столе погасла.

В мастерской стало темно, если не считать багрового света, просачивавшегося сквозь запылённые стёкла.

Она медленно повернулась к холсту.

Женщина на портрете смотрела прямо на неё.

Не на окно, не в сторону двери, не туда, куда Элианна направила бы взгляд умершей, стараясь придать лицу естественное выражение.

Прямо на неё.

Глаза были открыты.

Элианна перестала дышать.

Несколько секунд они смотрели друг на друга — художница и изображённая на холсте покойница, одна с кистью в руке, другая с тонкими губами, чуть приоткрытыми, словно собиралась что-то сказать.

Затем глаза женщины медленно закрылись.

Элианна не вскрикнула.

Она вообще не издала ни звука.

Просто положила кисть на стол, встала и подошла к картине.

На холсте ничего не изменилось.

Пожилая женщина с впалыми щеками и серебряными волосами лежала на тёмной подушке. Её руки были сложены на груди, пальцы переплетены, на безымянном пальце поблёскивало золотое кольцо. Подбородок поддерживал белый кружевной воротник, а чёрное платье терялось в глубине фона.

Глаза были закрыты.

Элианна коснулась холста кончиком пальца.

Краска ещё не высохла.

— Проклятие, — прошептала она.

Слово прозвучало грубее, чем ей хотелось.

Она отступила на шаг, осмотрела портрет, затем взяла свечу с подоконника и зажгла её от угольной жаровни.

Возможно, дело было в усталости.

Последние три ночи она почти не спала. Заказчики требовали закончить портрет к похоронам, а старый мистер Харт из похоронного дома дважды присылал слуг с напоминанием о сроках. Кроме того, в мастерской было холодно, а на улице — сыро. В такую погоду у неё начинала болеть голова, и иногда предметы казались ей не совсем теми, чем были.

В детстве мать называла это болезнью воображения.

Позже, когда Элианна впервые увидела мертвеца, который шевелил губами, мать велела ей никому не рассказывать.

А затем исчезла.

Элианна погасила эту мысль прежде, чем та успела обрести форму.

Она не любила вспоминать мать во время работы.

Память была похожа на тонкий лёд: если наступить неосторожно, можно провалиться в холодную воду, из которой никто не поможет выбраться.

Она вернулась к столу и внимательно осмотрела краски.

На палитре лежали белила, охра, киноварь, умбра и несколько оттенков серого. Крови среди них не было. И всё же на холсте, в уголке левого глаза покойницы, блестела крошечная красная капля.

Элианна наклонилась ближе.

Капля медленно стекла по нарисованной щеке.

Остановилась у уголка рта.

И исчезла.

Элианна выпрямилась.

На этот раз она действительно испугалась.

Похоронный дом Хартов стоял на улице Святой Агнессы, в старой части города, где дома теснились так близко друг к другу, что их верхние этажи почти соприкасались над мостовой. В сырую погоду крыши скрывались в тумане, а фонари отбрасывали на стены длинные, дрожащие тени.

Здание принадлежало семье Хартов уже четыре поколения.

Его фасад украшали каменные ангелы с отбитыми крыльями, над дверью висела табличка с выгравированными словами: «Мы возвращаем умершим покой». За дверью находились приёмная, две комнаты для прощания, морг, склад гробов и узкая лестница, ведущая в подвал.

Элианна работала здесь с шестнадцати лет.

Сначала она мыла полы, меняла воду в вазах и помогала старому мистеру Харту одевать покойников. Затем начала рисовать их посмертные портреты, потому что обнаружилось, что она умеет делать то, чего не умел никто другой.

Она видела последние воспоминания умерших.

Не всегда. Не с каждым человеком. Иногда прикосновение к коже ничего не давало, кроме холода и ощущения чужой пустоты. Но стоило ей провести кистью по холсту, начать рисовать лицо, как в сознании возникали обрывки чужой жизни.

Мужчина, который умирал в одиночестве и до последнего ждал, что дочь вернётся домой.

Девочка, которая боялась темноты и перед смертью увидела под кроватью собственную мать.

Старуха, которая улыбалась, потому что наконец услышала голос давно умершего мужа.

Элианна никогда не рассказывала заказчикам об этих видениях. Она не считала их даром. Скорее проклятием, которое позволяло ей зарабатывать на жизнь.

Люди хотели сохранить лица своих мёртвых.

Ей приходилось видеть то, что они забирали с собой.

Когда Элианна спустилась в похоронный дом, старый мистер Харт стоял за стойкой и пересчитывал серебряные монеты. Его круглое лицо блестело от пота, несмотря на холод, а редкие волосы были тщательно зачёсаны назад.

Он поднял голову.

— Наконец-то. Я уже думал, что ты решила оставить нас без работы.

— Портрет почти готов.

— Почти? — Он положил монеты в ящик. — Похороны завтра в полдень.

— Я знаю.

— Семья заплатила за раму из чёрного дуба. Не за картину, которую можно повесить в сыром чулане и забыть о ней.

Элианна посмотрела на него.

— Тогда, возможно, им следовало заказать раму у столяра, а не у вас.

Мистер Харт прищурился.

Она редко позволяла себе подобные замечания, но сегодня ей хотелось, чтобы кто-нибудь другой тоже почувствовал себя неуютно.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего.

— Ты бледная.

— В городе всегда темно.

— Не дерзи.

Он взял со стойки связку ключей и направился к двери, ведущей в морг.

— Пойдём. Хочу проверить, как обстоят дела с остальными.

Элианна последовала за ним.

В морге пахло формалином, воском и мокрым камнем. Вдоль стен стояли металлические столы, на каждом лежало накрытое белой тканью тело. Над ними горели лампы с мутными стеклянными плафонами. Их свет делал кожу умерших желтоватой, а тени под глазами — почти чёрными.

— Двенадцать человек за последнюю неделю, — сообщил Харт, открывая журнал. — Вдвое больше обычного. А вчера привезли ещё троих.

— От чего умерли?

— Болезнь, старость, несчастный случай. Какая разница?

— Обычно вы любите знать подробности.

— Обычно мне за них платят.

Он перевернул страницу.

— Есть ещё одна проблема. Женщина, которую привезли сегодня утром. Никто не знает, кто она.

— Как это — никто не знает?

— Нашли возле северных ворот. Без документов, без вещей. На ней было только платье и медальон. Городская стража решила, что она умерла ночью.

Харт произнёс последние слова с таким раздражением, словно покойница намеренно доставила ему неудобства.

— И что с ней?

— Лежит в третьей комнате. Я хотел, чтобы ты посмотрела на неё.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Не знаю. У меня такое чувство, что её лицо тебе знакомо.

Элианна остановилась.

— Я никогда её не видела.

— Тогда тебе нечего бояться.

Старый Харт открыл дверь.

Третья комната была меньше остальных. В ней не было окон, а единственную лампу прикрывал металлический колпак. На столе лежала женщина в длинном чёрном платье.

Элианна сразу поняла, что она мертва.

Не по бледности кожи, не по неподвижности груди и не по синеватому оттенку губ.

В комнате не было воспоминаний.

Обычно возле умерших оставалось нечто, похожее на слабый запах — невидимый след того, кем они были при жизни. Он мог быть едва различимым, но Элианна всегда чувствовала его, когда входила в морг.

Здесь не было ничего.

Ни радости.

Ни страха.

Ни последнего сожаления.

Словно кто-то выскоблил из женщины всё человеческое и оставил только оболочку.

Элианна подошла ближе.

У покойницы были длинные чёрные волосы, тонкие черты лица и кожа цвета старой слоновой кости. Ей могло быть двадцать пять или пятьдесят лет — смерть стёрла с лица возраст, оставив лишь странную, неподвижную красоту.

На шее висел серебряный медальон.

Элианна наклонилась, чтобы рассмотреть его.

На крышке была выгравирована роза с семью лепестками.

Она почувствовала, как что-то холодное коснулось её затылка.

Не рука.

Не дыхание.

Воспоминание.

На мгновение морг исчез.

Вместо него возникла маленькая комната с белыми стенами. На полу сидела девочка лет пяти, прижимая к груди деревянную куклу. Перед ней стояла женщина в чёрном платье. Лица женщины Элианна не видела, но узнала её голос.

— Если однажды ты увидишь эту розу, — говорила женщина, — не открывай дверь.

Девочка подняла голову.

— Какую дверь, мама?

Женщина присела перед ней и взяла её за руки.

— Ту, за которой тебя будут звать по имени.

Видение исчезло.

Элианна пошатнулась и схватилась за край стола.

— Что с тобой? — спросил Харт.

Она не ответила.

Её сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался болью в груди.

Медальон.

Она знала этот медальон.

Её мать носила точно такой же.

Элианна видела его в детстве — на тонкой серебряной цепочке, которая всегда лежала у матери на груди. На крышке была та же роза с семью лепестками. Внутри хранился крошечный портрет мужчины, чьего лица Элианна никогда не могла разглядеть.

Когда мать исчезла, медальон исчез вместе с ней.

— Кто привёз её? — спросила Элианна.

— Стражники.

— Где они её нашли?

— У северных ворот, я же сказал.

— Кто-нибудь видел, как она умерла?

Харт закрыл журнал.

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что она мертва?

Старик посмотрел на тело.

— Потому что она не дышит.

Элианна перевела взгляд на лицо покойницы.

Губы женщины были чуть приоткрыты.

Ей показалось, что между ними мелькнуло что-то белое.

Зубы.

Или кончик языка.

— Мне нужно уйти, — сказала Элианна.

— А портрет?

— Я закончу его сегодня ночью.

Она направилась к двери, но у самого порога остановилась.

Ей показалось, что кто-то произнёс её имя.

Тихо.

Почти ласково.

Она обернулась.

Женщина лежала неподвижно.

— Ты что-нибудь слышал? — спросила Элианна.

Харт нахмурился.

— Что?

Она покачала головой и вышла.

За спиной осталась третья комната, наполненная холодом и запахом мокрого камня.

А на шее мёртвой женщины медленно повернулся медальон.

Крышка приоткрылась.

Внутри не было портрета.

Только крошечная полоска бумаги, на которой чужой рукой было написано одно слово.

Скоро.

К полуночи Элианна вернулась в мастерскую.

Она не включила свет.

В комнате было тихо. Пепел за окном перестал падать, и город погрузился в ту особенную тишину, которая наступает перед рассветом, когда даже крысы прячутся в подвалах, а бездомные собаки перестают лаять на тени.

На столе лежал портрет старухи.

Элианна подошла к нему и долго смотрела на лицо, которое написала собственными руками.

Теперь она заметила то, чего не видела раньше.

Глаза женщины были закрыты, но веки казались слишком напряжёнными, будто покойница изо всех сил пыталась не смотреть.

А на левой щеке, почти у самого уха, проступала тонкая красная линия.

Элианна коснулась её пальцем.

Краска была сухой.

Она взяла увеличительное стекло и наклонилась ближе.

Линия складывалась в буквы.

Крошечные, едва различимые, они тянулись вдоль скулы, уходили к виску и исчезали под серебряными волосами.

Элианна прочла их по слогам.

Не открывай.

Она отступила.

За окном что-то ударило в стекло.

Один раз.

Потом второй.

Элианна резко обернулась.

На подоконнике сидел ворон.

Его перья были абсолютно чёрными, без единого серого отблеска. Клюв блестел, как полированный обсидиан, а глаза казались человеческими — тёмными, внимательными и удивительно печальными.

Птица наклонила голову.

Элианна подошла к окну.

— Уходи.

Ворон не шелохнулся.

— Я сказала, уходи.

Он раскрыл клюв.

И произнёс голосом её матери:

— Элианна, не открывай дверь.

Девушка отшатнулась.

Ворон ударил крыльями по стеклу и исчез в темноте.

Элианна стояла неподвижно, чувствуя, как кровь медленно отливает от лица.

Она не слышала голос матери двенадцать лет.

Не видела её лица.

Не помнила, как звучал её смех, и уже почти забыла, каким запахом пахли её волосы после дождя.

Но голос она узнала.

Она узнала бы его среди тысячи голосов.

Элианна повернулась к портрету.

Глаза старухи были открыты.

На этот раз она не закрыла их.

Женщина смотрела прямо на Элианну, и в глубине её зрачков отражалась не мастерская, не свечи и не окно.

Там был собор.

Огромный, чёрный, с башнями, уходящими в бесцветное небо.

Вокруг него рос лес из мёртвых деревьев.

На ступенях стоял мужчина в длинном чёрном плаще. Его лицо было скрыто тенью, но Элианна заметила серебряные нити, тянувшиеся из-под воротника к подбородку.

Он держал в руке сломанный меч.

И смотрел на неё.

Элианна не знала его имени.

Но в ту секунду ей показалось, что он ждал её всю свою жизнь.

Портрет треснул.

Тонкая линия разрезала холст от лба женщины до самого подбородка. Затем ещё одна. И ещё.

Изнутри вырвался слабый запах ладана.

Элианна попятилась.

На обороте картины кто-то постучал.

Три раза.

Медленно.

Терпеливо.

Она не двигалась.

Тишина длилась так долго, что Элианна начала убеждать себя, будто всё происходящее — сон, вызванный усталостью и страхом.

Затем из-за холста раздался женский голос.

— Доченька?

Элианна закрыла рот ладонью.

— Ты ведь помнишь меня?

Голос был тихим, полным нежности.

Таким, каким мать звала её в детстве, когда та просыпалась посреди ночи после дурного сна.

— Элианна, открой. Мне холодно.

Она почувствовала, как по щекам текут слёзы.

Двенадцать лет.

Двенадцать лет она пыталась забыть звук закрывающейся двери, пустой дом, холодную постель и записку, которую нашли на кухонном столе.

Прости меня. Не ищи.

Ни подписи.

Ни объяснений.

Только эти два слова.

Элианна медленно подошла к портрету.

— Мама?

За холстом что-то тихо вздохнуло.

— Да, любовь моя.

Девушка протянула руку.

Её пальцы коснулись холодной ткани.

И в тот же миг все свечи в мастерской погасли.

В темноте раздался звон колокола.

Один удар.

Второй.

Третий.

Элианна отдёрнула руку.

Она вспомнила слова женщины из видения.

Ту, за которой тебя будут звать по имени.

Из-за портрета послышался скрежет.

Словно кто-то медленно проводил ногтями по дереву.

— Элианна, — прошептал голос матери.

Теперь он звучал иначе.

В нём больше не было нежности.

— Открой дверь.

Девушка стояла неподвижно, пока её глаза не привыкли к темноте.

Затем она увидела, что портрет изменился.

Старухи больше не было.

На холсте изображалась молодая женщина с длинными чёрными волосами, бледным лицом и тонкими губами.

Элианна узнала собственное лицо.

Только глаза на портрете были закрыты.

А на шее висел серебряный медальон с розой, у которой было семь лепестков.

Внизу, под изображением, проступали слова.

Они возникали медленно, будто невидимая рука выводила их изнутри холста.

Элианна Морвейн.

Родилась в ночь смерти Бога.

Умерла за три дня до его возвращения.

Она прочла надпись один раз.

Потом второй.

Когда подняла голову, портрет снова изменился.

На нём больше никого не было.

Только пустая комната.

И дверь.

Высокая, чёрная, покрытая глубокими царапинами.

Из-за неё доносился тихий стук.

Элианна отступила, пока не упёрлась спиной в стену.

Она не знала, сколько простояла так, глядя на холст. Возможно, несколько минут. Возможно, целую вечность.

Затем где-то внизу, на улице, раздались шаги.

Медленные, размеренные.

Кто-то остановился перед дверью её дома.

Трижды постучал.

И произнёс голосом мужчины, которого она никогда не встречала:

— Элианна Морвейн. Именем мёртвого Бога приказываю тебе открыть.

Девушка не ответила.

За дверью воцарилась тишина.

Затем мужчина тихо рассмеялся.

— Значит, он ещё не рассказал тебе, кто ты такая.

Шаги удалились.

А в мастерской, на пустом холсте, появилась первая капля крови.

Она медленно стекла вниз и остановилась у самого края рамы.

За окном вновь пошёл пепел.

На этот раз он был белым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.